

Лучшая в мире Кармен покорна только музыке

7 июля Елена ОБРАЗЦОВА празднует свой юбилей

Общая газета. — 1999. —
1-7 июля. — с. 10

Один из юбилейных циклов назван «Бенефисы примадонны». После концерта на улице стояла толпа поклонников: и в наши времена такое случается не только с поп-музыкантами.

— В своих «Записках в пути» вы сказали, что, выходя на сцену, поете «Мадонне» Эль Греко. Кому же вы сегодня пели?

— Всем. Люди соскучились по русскому романсу, по любви, по лирике.

— Вы как-то признались, что музыка не покорялась вам еще ни разу, а всегда только вы — ей. В это трудно поверить.

— Я чувствую намного больше, чем могу. Дело здесь не в технике пения. Иногда мне даже неловко... Ну пусть будет это слово — да, неловко бывает передать музыку так, как я чувствую ее своим нутром. Наверное, существует какой-то предел откровенности, который невозможно преступить на публике. Это очень интимно.

— В опере вы создали образы сильных, мятежных натур — Амнерис, Кармен, Любаша, Эболи, Азучена... А живете так же?

— Не совсем. Я чувствую мятежный дух. Но живу по-другому. Мне все время приходится перебарывать себя. Я сильная на сцене, в обществе. И очень ранимая в жизни. Впрочем, как большинство актрис.

— Вы рассказывали, что в школьные годы делали уроки под пение Джили и Карузо. Однако поступили в радиотехнический институт.

— Это папа заставил меня туда идти. Сама же я лет с пяти мечтала стать певицей. Особенно когда услышала и увидела Милицу Корьюс в «Большом вальсе» и Лолиту Торрес в аргентинских фильмах. С тех пор рот и не закрывала — пела. В нашем доме всегда звучала музыка. Папа привез с войны замечательную коллекцию пластинок с записями итальянских певцов. У папы был хороший баритон, кроме того, он играл на скрипке. Он говорил мне, что певицей надо быть только первой. «Не хочу, — убеждал меня, — чтобы ты пела перед сеансами в кино. Становись лучше знаменитым инженером».

— А ваш папа был знаменитым инженером?

— Нет. Он был очень хорошим конструктором по тяжелому машиностроению. И очень цельным и сильным человеком.

— Вы пошли в него?

— Да, конечно. Я взяла, видимо, от него силу и мощь, а от мамочки и женственность и тонкость. Мама была как ангел — тихая и спокойная.

— Да, да, конечно, без сомне-

— В радиотехническом вы проучились всего один курс. Что же произошло?

— Наступили каникулы, и папа предложил мне на выбор: либо золотые часы, либо поездку в Ленинград. Я выбрала родной город. И когда приехала туда, сразу пошла поступать в консерваторию. Меня приняли. Правда, папа со мной год почти не разговаривал. Я очень боялась отца: он был требовательным, а я — послушной дочкой. Мне говорили, к примеру, что я должна в 9 часов вечера быть дома, и я бросала любые компании.

— Франко Дзеффирелли назвал вас непревзойденной сумасшедшей. Это только на сцене или в жизни?

— Да, да, конечно, без сомне-

ния. Я любила своего первого мужа семнадцать лет. Мы очень дружили. Но потом вдруг — неожиданно и спонтанно — полюбила Альгиса Жюрайтиса, с которым много работала в театре. Все случилось буквально в один день. У нас был счастливый, хороший союз. К несчастью, недавно случилось непоправимое, Альгис умер.

— Ваша дочь все еще учится у Монсеррат Кабалье?

— Да, она хочет быть оперной певицей, но я думаю, что в семье достаточно одной такой сумасшедшей. Хотя на самом деле моя жизнь сложилась счастливо: за границей сразу попала к самому лучшему менеджеру — Соломону Юроку. Большой театр был на га-

Фото из архива

стролях в Париже. Ирина Архипова не смогла прилететь вовремя к спектаклю «Борис Годунов», и мне выпало петь Марину Мнишек. Появились замечательные рецензии, громадные портреты в газетах. Тогда-то Юрок и обратил на меня внимание. К сожалению, вскоре он умер. Я осталась одна и много работала в самых лучших театрах с самыми лучшими дирижерами, режиссерами. И сделала карьеру — как бы вопреки. Мне, правда, очень помог тогдашний министр культуры Демичев, и я ему благодарна до сих пор.

— Кто еще помогал вам?

— Великолепный дирижер Клаудио Аббадо. Ричард Радзинский — директор оперы в Метрополитен, Герберт фон Караян. Многие.

— Тот же Дзеффирелли говорил, что испытал три потрясения в жизни: от Анны Маньяни, Марии Каллас и Елены Образцовой. А от кого вы сами испытали потрясения?

— Очень любила и люблю Марию Каллас. Испытывала блаженство от голоса Монсеррат Кабалье в ее годы расцвета. От Джоан Сазерленд.

— Кто из русских композиторов вам ближе всего?

— Рахманинов. Он близок моему темпераменту. В нем есть и лирика, и страсть, и некое безумие, и нежность, и любовь к природе. Я мужу говорила, что, если изменю ему, так только с Рахманиновым...

— Что для вас слава?

— Слава?! Я просто работаю и работаю. Прошу Господа об одном: дать мне сначала умереть, а потом — перестать петь.

— В этом году вы отмечаете 35-летие со дня выхода на сцену Большого театра. Как тогда все складывалось для вас?

— Когда меня приняли в 1964 году в Большой, там была сильная группа меццо-сопрановых голосов. Разумеется, мне было трудно пробиться. Я была еще на третьем курсе консерватории, когда в

Хельсинки проходил международный молодежный фестиваль. На конкурсе вокалистов я познакомилась с Вишневской и Ростроповичем. Галина Павловна была в жюри. Ей понравился тембр моего голоса, и Мстислав Леопольдович всю ночь разучивал со мной романс Рахманинова «Я жду тебя». Тогда я получила свою первую премию. Потом пела на московском конкурсе имени Глинки. И снова занималась с Галиной Павловной. И снова — первая премия. После конкурса вернулась в Ленинград. Но вскорости получила телеграмму от Павла Лисициана с приглашением приехать на прослушивание в Большой театр. Думаю, это случилось не без помощи Вишневской.

— Жалеете, что жизнь развела вас?

— Очень жалею. Я всегда ее любила. Она открытая, прямая женщина, уникальная личность. Но в целом Бог сделал так, что я никогда не делала никому ничего дурного.

— Вы по-прежнему преподаете в Московской консерватории?

— Пока нет. Преподаю в Испании, в Валенсии, и в японской академии «Мусашино», которую организовала Лариса Гергиева, сестра Валерия Гергиева.

— Будет ли продолжение ваших «Записок в пути»?

— Рена Шейко, с которой мы готовили эту книгу, рано ушла из жизни. И сейчас я пишу сама. Когда приходит вдохновение, делаю это легко и быстро. Вчерне уже закончила книгу «Как я пела». Хочу также издать профессиональный комментарий к наиболее популярным ариям.

— Вы по-прежнему летаете по миру с плейером?

— Да, я все время в воздухе и все время слушаю музыку.

Беседовала
Лидия НОВИКОВА